

«ДРУГ» И «ДРОЖЬ»:

К ЭТИМОЛОГИИ НЕСКОЛЬКИХ СЛОВ С ЗАТЕМНЕННОЙ ВНУТРЕННЕЙ ФОРМОЙ*

1

Поводом к этим заметкам послужила яркая работа Н.В.Брагинской (1993 г.), посвященная происхождению греч. Μυρμιδόνες - именованья воинов - спутников Ахилла в «Илиаде» Гомера¹. Я перечислю здесь те выводы указанной работы, которые имеют прямое касательство к моему дальнейшему изложению.

1. Ни эпос Гомера, ни иные источники не позволяют надежно локализовать некий «мирмидонский» этнос в какой-либо части Греции. Вопреки позднейшим попыткам отождествлять с мирмидонцами якобы происшедших от муравьев (μύρμηκες) жителей острова Эгины, у Гомера Μυρμιδόνες фигурируют как дружина, составленная выходцами из разных греческих краев, часто - изгоями, примкнувшими к Ахиллу в качестве боевых сподвижников. Лучший из мирмидонцев, по Il. 18,10 - Патрокл, друг-прислужник (θεράπων) Ахилла, по ходу битвы замещающий этого героя и предстающий в его доспехах как бы двойником своего вождя перед ахейцами и троянцами.

2. Этимологически Μυρμιδόνες связано с глоссой μύρμος «страх» (Hes.), о чем писал еще П.Кречмер, который, распознав в Ахилле фессалийское загробное божество, расценивал мирмидонцев как мифический «народ ужасных призраков» и формально отождествлял их имя с лат. formido «ужас» < *mormidōn². Все эти формы Брагинская сблизает с греческим прозвищем неких «блуждающих демонов» мормонов, с μόρμος «пустые страхи» (Hes.), Μορμώ «чудовище, которым пугают детей», с μορμόρωπος «ужасный», μορμούκη «нежить женского пола» и т.д. Расширяя это словарное гнездо, она включает в него же глаголы μορμύνω «пугать», μορμύρω «кипеть, бурлить, наводнять»,

*Colloquia classica et indo-europeica II. Классическая филология и индо-европейское языкознание. СПб, 2000.

¹ Брагинская Н.В. Кто такие мирмидонцы?// От мифа к литературе. Сборник в честь 75-летия Е.М.Мелетинского. М.,1993.

² См.: Kretschmer P. Mythische Namen. I. Achill.// Glotta., Bd. 4, 1913; см. также: Хоммель Х. Ахилл-бог.// Вестник древней истории, 1981, №1.

также «производить шум, приводить к.-л. в страх и смятение, делать ч.-л. непривычным, пугающим способом (δεινοποιεῖν)».

3. В качестве потенциально родственных привлекаются и такие слова как μῦρος «огромный, несчетный,-ые», далее μῦροι и μῦρμηκες в двух смыслах «муравьи» и «подводные скалы, кипящие бурунами», кроме того μῦρμηκες как обозначение «психического и физически беспокойства», «дрожь, зуда, обмирания, обморока от холода и испуга», вообще «всякого рода мурашек». Брагинская оспаривает в данном случае возведение будь то муравьев к «мурашкам» или «мурашек» к муравьям, полагая для тех и других общим семантическим знаменателем «несчетное кишашее, самодвижущееся множество».

4. Утверждается, что суффикс -δων- в Μυρμιδόνες функционально аналогичен такому же форманту в греческих терминах для роевых насекомых и их обиталищ (ἀνθηδών «шершень», τειθηδών «оса», σχαδών «личинка осы», «соты», μυρμηδών «муравейник» и мн. др.), в слове ψηκεδών «клубящаяся пыль», в обозначениях «процессов, идущих в какой-либо физической массе или психическом пространстве» (σπιθεδών «гниение», σθηκεδών «некроз», τυφεδών «возгорание», ἀλγεδών «страдание»).

5. Так, в уточнение гипотезы Кречмера, но с гораздо более скрупулезной проработкой языкового плана делается вывод, что имя мирмидонцев, предстающих в эпосе как «хор, стая, рой» вокруг своего вождя Ахилла, вполне может генетически восходить к понятию «несметного и кишашего множества» - также, как прозвание для духов мертвых и демонов смерти.

Эти раздумья филолога насчет внутренней формы эпического прозвания для Ахиллесовой дружины эвристически очень ценны для осмысления некоторых индоевропейских и, в частности, славянских языковых фактов. Напомню о прямых соответствиях в иных языках к тем греческим словоформам, которые Брагинская прорабатывает методами семантической и формантной внутренней реконструкции. Таковы ирл. morígain lamia «королева духов» < *mori-gēgania, др.-исл., др.-в.-нем., др.-англ. maга «кошмар, привидение», нем. Mahr «ночное удушье», слав. *moga «кошмар, ведьма, ночной злой дух, часто являющийся в виде бабочки, оборотень», «эпидемия», «печаль, забота», также с редупликацией *morgmoga в словц. mragmoga «призрак» - образования, в которых формально и по смыслу сливаются обычно различаемые этимологами

индоевропейские корни со звуковой оболочкой *mer-/ *mog- и со значениями «смерти», «темноты; мерцания, дрожащего света», может быть, также «раздробления, измельчания, уничтожения» и «глухого шума».³

С учетом теснейшей близости славянских языков еще важнее представляется наличие общеславянских цельнолексемных соответствий, воплощающих примерно тот же смысловой комплекс, каковой Брагинская восстанавливает для греческого. Я имею в виду именные формы с расширителем-детерминативом -k-/-č-/-c восходящие к и.-е. *mer-k- «мерцать». В иных индоевропейских ветвях им соответствуют такие лексемы, как лит. *mérkti* «мигать», *mīrkli* «взгляд», др.-инд. *márka* «солнечное затмение», др.-исл. *myrkr*, др.-англ. *myrse* «темный», нем. *Morgen* «утро, переход от мрака к свету». На собственно славянском же уровне эти имена соотносятся с рядом глаголов, несущих семантику «темноты как неустойчивого переменного признака» - со слав. *mьgati «мигать, мерцать, терять сознание», *mьgati, *mьrknoti «меркнуть, погружаться во мрак, *mьgiti «чернить, пачкать», *merkati «мерещиться, бредить, мечтать», *merčiti «хмуриться», *meršiti «мерещиться».⁴

Конкретно, для слав. *mogъ /*mogka, также *mьgъ по отдельным языкам прослеживаются такие смыслы (привожу выборочно): ст.-слав.: МРАКЪ «темнота», перен. «толпа»; болг. мрак «темнота», перен. «детская болезнь, причиняемая злыми духами», мрака диал. «большая толпа.», серб.-хорв. мрâк «темнота, сумрак, ранний рассвет», диал. «кошмар, пугало», во множ. числе «какая-то детская болезнь», мрк диал. «затмение солнца»; словен. mřâk «сумерки», во множ. числе «детская болезнь», mřk или solnci mřâk «солнечное затмение»; чеш., словц. mřak «темнота, сумерки, туча, большое облако», в словацком также «большое множество», чеш. mřk «мигание глазами, подмигиванье, знак»; польск. mrok «угасающий день, сумерки, туча», mroka то же, а по диалектам «изморозь, мгла»; др.-русск. морокъ «налет на изображеньи от сырости», «предсказатель, вводящий в заблужденье», в русских диалектах морок «мрак, темнота»,

³ Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bd.I. Bern-München, 1959, S. 733 ff.; Этимологический словарь славянских языков. Праoslavянский лексический фонд. Под ред. О.Н.Трубачева. (Далее - ЭССЯ). Т.19. М.,1992. С.211 и сл., 236.; Топоров В.Н. Заметка о двух индоевропейских глаголах умирания // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Погребальный обряд. М., 1990. С.49 и сл.

⁴ ЭССЯ. Т.18. М.,1993. С.98 и сл.; Т.19. С.230-237; Т.21. М., 1994, С.125-137.

«что-то одуряющее, очаровывающее, помрачающее рассудок», «моргота, гарь, чад или смрад», «пасмурность с мокрым туманом, мелкий дождь, сырость в воздухе», «гроза, туча, дождевое облако», «затмение сознания, обморок, припадок эпилепсии», «хитрость, плутовство, обман», в костромском говоре «сон, где человек видит самого себя - примета близкой смерти»; морока в наших диалектах имеет сходные значения, в том числе «призрак», «мара, греза, обморок», «мираж», «мгла, сухой туман», «болезнь, хворь, боль в суставах», «обманщик, плут», «темная сила», «хлопоты, возня»; сюда же и укр. морок «мрак», «черт, нечистая сила», морока «беспокойство, хлопоты», но ср. Морока його зна! «Бес его ведает!», диал. мряка «снег с дождем», «густой туман с мелким дождем». Тут же можно вспомнить и такие производные, как серб.-хорв. мрчав «густой, темный; неясный, неразборчивый», мрчава «густой, мрачный лес», «глубокая, темная вода», «темная туча, густой дым», «масса людей, толпа».⁵

О чем говорит нам этот пучок смыслов? Очевидно, что базисная семантика «неустойчивой, зыбкой тьмы или дрожащего света», «сгущенной воздушной среды, часто разлагающейся на подвижные дискретные частицы, размывающие образы предметов», «прерывистого движения, осложняющего или нарушающего восприятие» в самом деле становится источником для развития значений «обмана, темной силы», «обморока, болезни», «колдовства, миража, явления призраков, двойников», ср. русск. диал. морокун «знаток, жулик, отгадчик, колдун», мороковать «ведать, смыслить», «жульничать, колдовать, ворожить»⁶, а в то же время и для понятия «большого числа», «толпы, сборища людей». Реальность последней модели подтверждается совершенно сходным смысловым развитием в др.-русс. тьма «бесчисленное множество; десять тысяч (= греч. μυριάς), в том числе и при пересчете войск, русск. тьма народа - как предполагают калькирующим тюрк. tuman «мгла», «десять тысяч», заимствованное в русск. туман и в свою очередь восходящее к иран.(авест.) dunman «туман», dvanman «облако».⁷

Здесь точно такая же ситуация, как в случае с греческими демонами–мормонами и гомеровскими дружинниками–мирмидонцами - разновидностями «кишащего, самодвижущегося множества», сходного с муравейником или водяной мглой над рифами.

⁵ ЭССЯ. Т.19. С.230 и сл., 234 и сл.; Т.21.С.128 и сл., 136 и сл.

⁶ ЭССЯ. Т.19.С.233 и сл.

⁷ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т.4. М. 1973. С.119,134.

Структура семантического пучка, засвидетельствованного рефлексам слав. *morĭ-, побуждает задуматься над возможностью родства между индоевропейскими омонимическими основами, трудно сопоставимыми на уровне поверхностных словарных значений. Конкретно, речь далее пойдет об истолковании известной изоглоссы, охватывающей балто-славянскую, германскую и кельтскую диалектные области, где имеем наименования различных человеческих сообществ, а также их членов при помощи основы *dhrough-/*dhrugh-, при том что в славянских языках той же изоглоссе примыкают слова со значением «инаковости», «попеременности». Я говорю о слав. *drugъ «товарищ, приверженец, спутник и т.д.» (с такими конкретизациями, как словен. drûg «дружка на свадьбе», др.-русс. другъ «слуга», ст.-чеш. druĥ «незначительный дворянин из свиты вельможи»), вместе значащее у всех славян «один из двух» (русс. друг друга), «второй, иной, прочий и т.п.», далее о формах *družь, *druža, *družina с их синкретизмом собирательного и сингулярного смыслов - «сообщество, компания», «друзья, челядь, свита», «вооруженная дружина, войско, отряд, семейство», но также «товарищ, друг или подруга, компаньон,-ка»; сюда же *družьba, наряду с абстрактно-качественной и собирательное семантикой способное обозначать «приятеля», «одного из супругов» или, особенно часто, «шафера»; *družьstvo «компания» (но здесь ср. ст.-польск. drustwo «воинский подвиг»); наконец, *družьka, очень популярное в значениях «шафер жениха» и «подруга невесты» (однако см. макед. друшка «пара») и явно отыменный глагол *družiti (se) «присоединяться, дружить».⁸

В балтийской группе к данной изоглоссе принадлежат лит. draûgas «товарищ», drauge «компания, сообщество». «семья», draugóvė «дружина», draugė «вместе», «одновременно», sudrúgti «присоединяться», лтш. draugs «друг, товарищ», др.-прусс. draugi-waldunen. «сонаследник» (вин. падеж).

⁸ ЭССЯ. Т.5. М., 1978. С.131 и сл., 134-137. Слав. *družь, *druža (словен. drúža «подруга», чеш. редк. druž, druže «дружина, группа», «подружка», слов. редк. druž ж.р. «компания»), вопреки ЭССЯ, трактуящему это слово как прилагательное от *drugъ, может исконно представлять древнее абстрактно-собирательное *dhrough-yâ, *dhrough-yd, соответствующее лит. draugė; ср. лат. famulus «слуга»: familia «челядь, семейство», греч. φίλος «друг»: φίλια «дружба, любовь».

В германских языках указываются такие параллели, как гот. *driugan* «состоять в войске» с причастием *gedrauhts* «воин», далее общегерманское слово **druhtiz*, давшее др.-в.-нем. *truht* «войско, дружина», др.-исл. *drott*, др.-сакс. *druht*, др.-англ. *dryht*, *gedryht*, для которых обычно констатируется то же самое военное значение (ср. еще др.-в.-нем. *trust* «отряд», отразившее старый вариант **druhtiz*). Однако Э.Дик указал ряд данных, побуждающих думать, что изначально герм. **druhtiz* могло быть не привязано жестко к сфере военной терминологии. О том говорят франк. *dructe* «свадебный поезд невесты», древнеанглийские названия свадебного дружки *dryht-ealdor*, *dryht-ealdorman* «старший в составе *dryht*», также *dryht-guma*, *dryht-man* «человек *dryht*» и т.д., а кроме того приложение др.-англ. *dryht* и *gedryht* к народам, племенам, ангельским сонмам и т.д., (ср., в частности, выражение *dryhta bearn* «сыны человеческие»). Непосредственно от той же основы образовано др.-в.-нем. *truhtin*, др.-исл. *drottinr*, др.-англ. *dryhten* «король, предводитель» < герм. **druhtinaz*. Иногда этимологи причисляют к тому же гнезду семантически обособленные глаголы — др.-исл. *drygja* «совершать» и весьма полисемантическое др.-англ. *dreogen* «делать ч.-л., исполнять, пребывать в делах», «испытывать зло и благо».⁹

Сомнительно, чтобы в германском наличествовало точное соответствие к слав. **drugъ*, лит. *draūgas*. Отдельные лингвисты принимают за такой аналог встречающееся в древнеисландских поэтических текстах обозначение для «мужа, воина» *draugr*.¹⁰ Но другие видят в этом слове метафорическое употребление лексемы из обычного словаря *draugr* «дерево», родственной др.-исл. *drjugr* «выносливый», нем. *trocken* «сухой», лит. диал. *drūktas* «крепкий, плотный».¹¹ Впрочем, некоторые пытаются в порядке компромисса объединять последнюю группу с балто-славянскими и германскими терминами для «военной дружины» под знаком индоевропейского корня **dher-* «держать, крепить», ср. лат. *fortis* и т.д.¹² Но как бы то ни было, явных параллелей к балтийским и славянским

⁹ Pokorny. Op. cit. 3.254; Holthausen F. *Altenglisches etymologisches Wörterbuch*. Heidelberg, 1934. S.76 f.; Fraenkel E. *Litawisches etymologisches Wörterbuch*. Bd.1. Heidelberg-Göttingen, 1955, S.102; Dick E.S. A.-e. *dryht und seine Sippe*. Münster, 1965. S.228 f., 293, 317, 386.

¹⁰ Holthausen. Op. cit. S.76; Id. *Wörterbuch des Altwestnordischen*. Göttingen, 1948. S.39; Фасмер. Указ. соч. Т.1.М., 1964. С.543.

¹¹ De Vries J. *Altnordisches etymologisches Wörterbuch*. Leiden. 1957-1961. S.81,84.

¹² De Vries. Op. cit. S.85; Pokorny. Op. cit. S.254; Johannesson A. *Isländisches etymologisches Wörterbuch*. Bern, 1956. S.516.

словам с сингулярным значением - будь то «товарищ, компаньон» или «иной, второй» - в германском ареале не видно. Зато здесь зафиксирована такая любопытнейшая форма, как др.-англ. *gedreag* < герм. **ge-draugaz* с кругом значений «*Schar, Menge, Haufe, Tumult, Gewühl*» («толпа, скопище, множество, давка, суетола»),¹³ которая позволяет по-новому понять генезис приведенных выше «дружинных» обозначений. Но об этом - дальше. Сейчас ограничусь указанием на то, что сходный смысловой заряд обнаруживают и родственные кельтские формы, если учитывать не только отраженное в латыни галльск. *drungus* «военный отряд», но и др.-брет. *drogn* «сходка (*coetus*)», *drog* «шайка, мятеж (*factio*)», новоирл. *drong* «толпа».¹⁴

За пределами Северной и Восточной Европы индоевропейская лексикология не усматривает каких-либо продолжений данной изоглоссы. При попытках ее более глубокого генетического истолкования, имеют место постоянные разноречия между авторами, исходящими из первичности «военно-дружинных» применений с постулируемой *ad hoc* внутренней форме «силы, крепости»,¹⁵ - и теми, кто предпочитает опираться на балто-славянскую семантику «совместности, товарищества, сопричастности».¹⁶ Однако, можно заметить, славянского употребления **drugъ* в смысле «иной, другой» не объясняет сколько-нибудь убедительно ни одна из этих версий. Между тем за пределы очерченной альтернативы попытались выйти лишь немногие этимологи.

Так, О.Н.Трубачев, в ранней работе отделявший балто-славянское словопонятие для «друга-товарища» от германских воинских терминов,¹⁷ пересмотрел этот взгляд в своем «Этимологическом словаре славянских языков». Здесь он допускает, что имя **dhroughos*, отразившееся в балтийском и славянском, как-то соотносится с глагольной основой

¹³ Holthausen. *Altenglisches etymologisches Wörterbuch*, S.76.

¹⁴ См: Льюис Г., Педерсен Х. *Краткая сравнительная грамматика кельтских языков*. М., 1954. С. 61.

¹⁵ Помимо работ, указанных в прим. 12, см.: Преображенский А. *Этимологический словарь русского языка*. Т.1. М., 1910. С.198; Brückner A. *Słownik etymologiczny języka polskiego*. Wyd. 2. Kraków, 1957.

¹⁶ Бенвенист Э. *Словарь индо-европейских социальных терминов*. М., 1995. С.85 и сл.

¹⁷ Трубачев О.Н. *История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя*. М., 1959. С.172. Интересно, что в этой работе Трубачев, сближая **drugъ* со слав. **dervo*, нем. *Treue* «верность» и т.д., в то же время пытался предполагать некую связь между **drugъ* и **drъžati* «дрожать», впрочем, практически не разъяснив ее со стороны смысла.

*dhreugh-, засвидетельствованной у германцев, но колеблется в отношении возможного исконного смысла этой основы: ибо в германском, согласно Трубачеву, глагол «подвергся семантической эволюции», а в балтийском и славянском - утерян (но ср. лит. sudrúgti?). С оглядкой на *drugъ «второй, следующий» для исходного глагола допускается семантика «следования», впрочем с оговоркой о сугубой предположительности такого истолкования за отсутствием «прямых подтверждающих оснований в известных фактах».¹⁸ В раздумьях Трубачева на этот счет особенно важно именно утверждение о некоей затемненности, непрозрачности для нас той семантической деривации, которая породила всю рассмотренную серию слов в пространственно смежных индоевропейских диалектах: этимологи не чувствуют ни их опорной «внутренней формы», ни той модели, каковая мотивировала бы возникновение этих слов в соединении их звучания и смысла.

Э.Дик в толстой книге о генетических связях др.-англ. dryht не удовольствовался возведением слов этой серии к dher- «крепить», но, опершись на мифологемы «мирового древа» и «хтонического леса» (Niederwald), постарался вчитать в многообразные древнеанглийские контексты с названным словом и его производными идеи растительного культа, включая топосы мирообъемлющей вегетации, смерти-возрождения, явления усопших в образах древесных духов, ритуальных игрищ в звериных масках и т.п.¹⁹ В результате он, оперируя мифологическим оборотничеством и метонимиями смыслов, синкретизирует то же и.-е. *dher- «крепить» с *dher- «обманывать, вредить», *dher- «дрожать» и т.д. - и предлагает фантастически обширную порождающую схему для массы слов, не обнаруживающих в своих исторических значениях достоверных соприкосновений, но якобы восходящих в своей доистории к общему мифо-обрядовому кластеру. Похоже, никто из рецензентов книги Дика не поверил во всеобъясняющую мощь идеи «хтонического леса». В основном книгу восприняли как «пугающий пример того, что происходит, когда предвзятое убеждение затемняет взгляд, без сомнения, редкостно даровитого, преданного своему делу, усердного и эрудированного ученого».²⁰

¹⁸ ЭССЯ. Т.5 С.132.

¹⁹ Dick. A.-e. dryht...

²⁰ Norman E. // *Medium Aevum*. Vol.37, 1968. P.70; см. также иные рецензии на книгу Дика: Campbell A. // *Review of English studies*. Vol. XXVIII, № 71, 1967. P. 297 ff.; Ostheeren K. *Archiv für das Studium der neuen Sprachen*. N 205, 1968-69. S.60 ff; Standop E. // *Deutsche Literaturzeitung für Kritik der Internationalen Wissenschaft*. Bd. 88, 1967. S. 598 ff.; Meid W. //

И тем не менее, большинство критиков признало ценность работы Дика состоящую в обширности материала, изошренном контекстном анализе словоупотреблений, блестящих впечатляющих догадок (например, о первичности у герм. *druhtiz значений «культового и родового сообществ» по сравнению с денотатами «свиты» или «военного отряда»), наконец, в общем ходе исследования, постоянно внушающего мысли о возможности нетривиальных, упускаемых из вида этимологами связей между некоторыми из основ, привычно трактуемых на правах простых омонимов.

Мой собственный анализ очерченной изоглоссы я начну со следующего утверждения. Если бы мы располагали для славянских языков только значением *drugъ «иной, другой», легко открывалась бы возможность связать это слово с этимологическим рядом, который по своей засвидетельствованности должен считаться общеиндоевропейским. В него входят др.-инд. droha «ложь, коварство», авест. draoga, druĵ- «ложь», др.-перс. drauga «лживый», авест. drujaiti «он лжет», затем др.-в.-нем. bi-triogen, нем. betrügen «обманывать», др.-исл. draugr «призрак, противник, недруг», др.-сакс. gidrog «призрак, обман», др.-в.-нем. gitrog «Betrug, teuflisches Blendwerk», др.-исл. draum, др.-англ. dream, нем. Traum «мечта, иллюзия» < герм.*draugma-, англ. dread «ужасный» < *«призрак»; ср.-ирл. (aug) -ddrach < *druag «привидение». К тому же ряду причисляются и такие индоарийские слова, как др.-инд. druĵ- «враг; вредоносный демон, чудовище», «вредительство, оскорбление (Kränkung), несчастье», druĵvan «оскорбитель», drogha, drogdhr то же, drugha «оскорбление, злодейство», druhyati «чинить зло».²¹ Видимо, сюда же принадлежат и кельтские слова, значащие «плохой, дурной»: вал. drwg, корн. drog, брет. drouk.²²

Славянская лексема, передающая значение «инаковости, нетождественности» могла бы быть соотнесена с этим рядом в силу отличающей его внутренней формы «лживости, обманности образов, мнений и действий, их несамотождественности, часто скрывающей негативный второй план», откуда и такие коннотации, как «призрак, враждебное наваждение, чудовище», «недруг» (ср. формальную идентичность слав. *drugъ «иной» и др.-перс. drauga «лживый», др.-инд. drogha «оскорбитель, вредитель», др.-исл. draugr «призрак, враг»). Оправданность такого сближения со смысловой стороны можно продемонстрировать на греческом материале примерами образований от ἄλλος «иной, другой». Так, ἀλλοίωσις значит «перемена», но вместе с тем «невменяемое состояние»; ἄλλο-φρονέω «помышлять об ином», но также «лишаться чувств, быть без сознания, в обмороке», «быть не в своем уме, обезуметь» (см. мифологический мотив души, пребывающей «в другом месте»); ἄλλο-δοξία «иное мнение», то есть «мнение ложное», ср. ἄλλο-οἰνία «смешение вин». «Инаковость», «другость», нетождественность себе самому или

²¹ Pokorný. Op. cit. S.276; Johannessohn. Op. cit. S.529; de Vries. Op. cit. S.81.

²² Льюис, Педерсен. Указ. соч. С.230.

некоему эталону осмысляются применительно к рассудку или поведению как их ложность, превратность, а по отношению к материальным субстанциям - как их путаница, смешение и подмена. Что же касается смысла «претерпевания. или причинения зла», можно бы привлечь для сравнения греч. ἄλλοῖος «другой», соотв. «дурной, неблагоприятный», ἄλλοῖω «менять», но в меди «искажаться, портиться, деградировать», ἄλλόκοτος «иной, другой», но часто и «страшный, чудовищный».

Обманность и вредоносность образа, действия и слова определяются тем, что они не такие, другие по сравнению с образами, действиями и словами истинными и должными, однако способны подменять сущее и надлежащее — этим другим. Эта инаковость, понимаемая как иллюзорность приравнивается к целенаправленному коварству и вредительству, коль скоро соотносится с позицией и установкой врага, противника, то есть по определению - другой стороны, вспомним греч. ἕτερος «другой из двух» = «неблагоприятный, ужасный, вражеский», ἕτεροι «другая сторона; враги». Весь этот комплекс с предельной мифологической мощью олицетворен в авестийском демоне Друг, или Друдж, противнике Заратустры, заключающем в себе все потенции уклонений от истинной мысли, истинной речи, истинного деяния. В этой связи можно было бы предположить, что ведийские композиты вроде drogha-vâc «лживая речь» (RV, 7, 140, 10) могли изначально нести смысловую структуру типа греч. ἄλλο-δοξία «ложное мнение», «другое мнение», иначе говоря, то же drogha-vâc значило «другая, не-такая речь», а drogha-mîtra «мнимый друг» (RV, 10, 89,12) - «не-такой, неистинный друг».

Обсуждая древнеиндийские слова со значением «вредительства» и «оскорбления», вероятно, следовало бы обратить внимание на принадлежность глагола druh- к IV глагольному классу, где преобладают корни с медиальной семантикой, а показатель презенса -ya- совпадает с формантом пассива. Для этого класса типичны глаголы вроде tras - «бояться», mad- «веселиться», man- «думать», jan- «рождаться», çram- «уставать» и т.п. Не исключено, что активный залог у druh- мог выработаться вторично и смысл «причинения ущерба» возник как коррелят к семантике претерпеваемого негативного состояния по типу нем. kränken «оскорблять» при kranken «болеть, страдать». Тут опять-таки напрашивалась бы аналогия, с греч. ἄλλοῖω, развивающим семантику «порчи, ухудшения» именно в медиальном залоге.

Сложность состоит в том, что явно тождественный со слав. *drugъ «иной» термин для «друга-приятеля», «члена компании, свиты и т.д.» попадает в ряд балто-славянских, германских и кельтских слов с общим смыслом «скопления, присоединения, совместности». Прямая связь их с др.-инд. *druh-* и его соответствиями вовсе неочевидна, если мы не желаем вслед за Э.Диком устремляться вглубь «хтонического леса», где охочие на вредительство и обман древесные духи и призраки одновременно выступали бы преумножателями даров земных, а заодно объектами почитания в культовых сообществах. Следует признать: на достигнутой ступени анализа разные значения слав. *drugъ включаются в две различные этимологические перспективы. Вопрос в том, могут ли эти перспективы быть объединены средствами более глубокой лингвистической - но не спекулятивно-мифотворческой - интерпретации?

4

Если исходить из генетической общности двух рассмотренных этимологических множеств, перед нами предстанет смысловое поле, где указания на «призрачность, ложь, вредительство», «помрачение чувств и рассудка» сосуществуют с обозначениями для «массы людей, трактуемой как целокупность». Очевидно, что это смысловое поле в значительной степени перекрывается со смысловым полем рефлексов слав. *morĕ, *morĕ, *mьrĕ. Напомню русск. диал. морок «мираж, призрак, явление двойника во сне», «колдун, нечистая сила и проч.» при ст.-слав. МРАКЪ «толпа», болг. диал. мрака. серб.-хорв. мрчава то же. Спрашивается, не следует ли предположить для далеко разошедшихся словарных употреблений и.-е. *dhreugh- (с его аблаутными вариантами) в качестве «призначения» - отсылку к действию, состоянию или процессу, в существенных признаках сходному с теми, которые могут обозначаться глагольной основой *mer-k-, несущей семантику «неустойчивого переменного света», «сгущения воздушной среды», «быстрых прерывистых движений»?

Поэтому я нахожу возможным привлечь здесь ту основу *dhreugh-, которая отразилась в слав. *drъgati, словен. *drgati* «дрожать», чеш. диал. *drgat* «трясти», польск. *drygać* «дергаться, подпрыгивать», *drgać* «дрожать», русск. дрыгать «трясти, подергивать отдельными частями туловища или всем туловищем», диал. «биться в судорогах», «бояться, трусить», укр. дригати «молотить»; в слав. *drъgnoti, в том числе и в русских

значениях глагола дрогнуть «прийти в смятение», «быстро и резко измениться на один момент», «задрожать (о звуке)», диал. дрыгнуть «идти на убыль (о воде во время морского отлива)», «ссестся (о молоке)», «трястись от холода»; также в вариантах *dr̥gtati, серб.-хорв. дрхтати «трястись от страха», словен. drhtati «дрожать от страха, от холода», др.-русс. дрыгати «содрогаться от ужаса», ср. блр. дрыготка «дрожь, трепет», *dr̥gtěti, укр. дрыгтіти «превращаться в студенистое вещество, дрожать как оно»; *dr̥žati «звучать, дрожать, трепетать»; в именах *dr̥žь, польск. dreszcz «трепет», русск. дрожь «трясение, частое и непроизвольное сокращение мышц от холода, нервного состояния, страха и т.д.», *dr̥gva, русск. диал. дрогва́, дрегва́, дрягва́, укр. дрогва́, блр. дрыгва́, «топь, трясина, студень». В балтийских языках имеем от той же основы лит. drugys «лихорадка», «бабочка», лтш. drudzis «перемежающаяся лихорадка», др.-прусс. drosis «тростник». Надо отметить, что за лит. drugys «бабочка» может стоять не только образ порхающего, подвижного существа, но и известное мифологическое понятие бабочки-оборотня, воплощения лихорадки, - мотив, связанный со слав. *moga. В пользу трактовки рассматриваемой основы как общеиндоевропейской, а не только балто-славянской надежно свидетельствуют греч. τοῖθουρύσσειν. σεῖειν «потрясать» (Hes.), τοῖθουρίκτια. ἡ τοὺς σεῖσμοὺς ποιοῦσα «производящая потрясения» (ibid.), формы с удвоением и диссимиляцией из и.-е. *dhor-dhorugh- старого «звукоизобразительного» интенсификатора.²³

Представляется неоспоримым, что по своему семантическому охвату основа *dhr(e)ugh-, указывавшая на «трясение, дрожь», «колебание звука в воздухе», «убыль или сгущение жидкого вещества», «лихорадочное состояние организма, прерывистые движения», «абerrации органов чувств, «мурашки» под влиянием психических (страх, ужас) или физических (холод) претерпеваний», очень близка к слав. (и и.-е.) mer-k-. Если рассматривать именные производные последнего, то переход от «лихорадки», «бреда» к «искажению образов», «иллюзиям», «призракам», «лжи» и «вредительству» выглядит достоверным и естественным. Поэтому надо реабилитировать предложенное в 19 в. этимологом Шарпантье сближение авест. drauga «ложь», druij- то же, др.-исл. draugr «призрак» и т.д. со слав. *dr̥žь, лит. drugys, несмотря на то, что это решение отклонили -

²³ Pokorny. Op. cit. S.275; ЭССЯ. Т.5 С.137 и сл.; Фасмер. Указ. соч. Т.1, С. 540 и сл.

на мой взгляд, опрометчиво - Н.Йокль и М.Фасмер.²⁴ Думается, при этом может остаться в силе то, что выше говорилось о вероятной первичности у др.-инд. *druh-* медиального смысла «терпеть болезнь, обман» по сравнению с активным смыслом «вредить, лгать» (авест. *drujaiti*). Две различающиеся в словаре Покорного омонимичные четырехконсонантные основы **dhreugh-* 1. «дрожать, трясти(-сь)», «лихорадить» и **dhreugh-* 2. «обманывать подменять», «являться призраком» и т.д. должны быть объединены в одну статью пересмотренного индоевропейского лексикона. При этом нужно учесть тонкое замечание одного из рецензентов книги Дика - насчет возможности допустить для **dhreugh-* архаичную семантику «кратофории», проявления потусторонних сил, в том числе в аспекте болезнетворном.²⁵

Для дальнейшего анализа я полагаю очень важным обратить внимание на древнерусское предложное сочетание в другъ, вариант в се другъ «тотчас, немедля». Этот последний вариант зафиксирован еще в тексте начала 12 в. «Въпрошание Кюриково, еже въпроша епископа Ноугородского Нифонта» (вошедшем в Новгородскую синодальную кормчую 1280-х годов), где предписывалось давать крещение младенцам «в се друогъ». Позже это сочетание уже без указательного местоимения - в другъ - появляется как указание на одновременность, например в Новгородской судебной грамоте 1471 г. «а как истецъ похочеть искать на҃зда или грабежа и земли в другъ (т.е. «сразу, одновременно».- В.Ц.) ино другому истцю ему отвечать».²⁶ Слово другъ в этом сочетании, особенно судя по варианту в се другъ (ср. совр. русск. вдруг «вмиг, внезапно») вряд ли по своему смыслу восходит: к другъ «иной, другой, один из двух», «приятель, компаньон». Я полагаю, что в соответствии с известной семантической моделью «быстрое прерывистое движение» > «минимальный отрезок времени», представленной в лит. *mirkšnīs* «мгновение» при *mérkti* «мигать», слав. **mīgъ* от глагола **migati*, можно усмотреть в др.-русск. (в се) другъ, совр. вдруг имя действия от глагола **dŕgati*. Но далее это восстанавливаемое слав. **drugъ* «миг, момент времени» (способное пролить новый свет на генезис литовского застывшего локатива *draugė* «одновременно, вместе») открывает

²⁴ Фасмер. Указ. соч. Т.1, С. 541.

²⁵ Ostheeren. Op. cit. S.63.

²⁶ Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т.1. М., 1958. С.727.

путь этимологическому осмыслению формально совпадающих с ним основ в словах для «друга», «другого» и «дружины».

Думается, как германские и кельтские, так и балто-славянские формы, ставшие предметом данных заметок, могут быть объяснены на основе и.-е. *dhreugh- «дрожать, пребывать в мелькающем, переменном движении». Но очень похоже, что для терминов кельтских и германских, с одной стороны, и по крайней мере для части балто-славянских, с другой, можно допустить две разные семантико-производящие модели. Это видно по отсутствию и в германском и в кельтском слов с сингулярным значением, аналогичным слав. *drugъ и лит. draũgas.

Южнославянские рефлексy *mоrkъ, *morka в смысле «толпы, мельтешащего скопища» вполне объясняют развитие сходной семантики у продолжений *dhreugh- в др.-англ. ge-dreag «толпа, давка, людское волнение» может быть также в др.-англ. поэтич. dream (< draugmaz) «хор», «ликование, празднование, экстаз, восторг»²⁷ и определенно в древнебретонских и ирландских словах для «толпы, сходки, мятежа», отражающих кельт. *drugos, *drugnos. Здесь первично восприятие людской массы как зыбкой многоликой целостности (ср. слав. *drgъva «студенистая дрожащая масса»), нечто вроде того образа «кишащего, самодвижущегося множества», в котором Брагинская предполагает внутреннюю форму. греческого прозвания мирмидонской дружины. Отсюда и глагольные формы со значением «соединения людей в массу» типа лит. sudrũgti или гот. driugan с его спецификацией «воинской службы, пребывания в войске», а далее уже отглагольные имена вроде герм. *druhtiz, сохраняющего, как уже говорилось, наряду с «воинскими» коннотациями, остатки семантики более широкой (см. еще раз у Дика о др.-англ. dryht во множественном числе со значениями «народы», «сородичи», «сонмы» и проч.²⁸).

²⁷ Dick. Op. cit. S.12.

²⁸ В частности, Дик приводит такие примеры из древнеанглийской словесности, как определение dryhtfolc (mikil) для масс народа, крестьящихся у Иоанна Крестителя или предстающих на суд Христа (S.250,256) dryhtguman о множествах людей, ценящих материальные блага выше духовных (S.256); также глоссу gedryhtu, означающую «enormia creaturarum elementa» «несчетные элементы сотворенного» (S. 257; ср. Campbell. Op. cit. P.299). Очень впечатляет догадка Дика о том, что эпитет потайной пещеры дракона из «Беовульфа», ст. 2320, dryht-sele должен пониматься как «зал с сокровищами» (S.273), ибо это был бы яркий случай использования слова dryht применительно к неодушевленным скопищам.

Что же касается др.-англ. *dreogen* «быть в делах», «исполнять», «претерпевать ч.-л.», я не уверен, будто в пределах того же этимологического поля этот глагол надо прямо сближать с гот. *driugan*. Не входит ли он, как и др.-исл. *drugja* скорее в ту ветвь рефлексов **dhreugh-*, которая представлена в др.-в.-нем. *bi-triogen* «измышлять, обманывать»? Опять же вспоминаются употребления русск. диал. мороковать - не только «обманывать, жульничать», но и «думать, соображать», «чем-л. заниматься, хорошо знать свое дело, ремесло», также блр. мороковаць - «иметь неудовольствие, роптать или нарекать на к.-л.», «жить незавидно, скучно», «кое-как переживать горе».²⁹

Вообще-то для слав. **družina*, **družьba* в собирательном смысле можно было бы допускать ту же модель, что для герм. **ge-draugaz*, **druh-tiz*, кельт. **drug(n)os*. Но **drugь* «приятель», «другой», как и лит. *draũgas*, требует по своей смысловой структуре иного объяснения. Понять их происхождение позволяет их сравнение с производными от индоевропейского корня **mei-*, означавшего, как и **mer-(k)-*, и **dhreugh-* какой-то вид прерывистого движения. Правда, в словаре Покорного **mei-* «дрожать, мерцать», **mei-* «двигаться» и **mei-* «переменять, обменивать» выделены в разные словарные статьи.³⁰ Но тут же сам Покорный генетически объединяет два последних корня, а другие этимологи видят во всех этих трех гнездах один и тот же корень,³¹ чья семантика во многом перекрывалась с полем и.-е.(и слав.) **merk-*. Об этом можно судить по таким отражениям расширенных основ **mei-k-*, **mei-gh-* как в лат. *micare* «трепетать, мерцать», слав. **migati* «мигать», также **mikati*, чеш. диал. *mikat* «резко дергать», в.-луж *mikać* «мигать», русск. диал. микать «плотно набивать», далее и слав. **мьсьта*, вар. *мьсьтъ*, ст.-слав. МЪЧЬТЬ «мечта, видение, иллюзия», «призрак», **мьга* «мга, морозящий дождь, туман, мелкий снег и т.п.», **мьгла* «мгла, туман», лит. *miqlà*, лтш. *miqla* то же, греч. *ὀμίχλη* «туман», др.-инд. *meghá* «облако», *mih-* «туман» и т.д.³²

Для данного исследования особенно существенно то, что среди продолжений другого расширенного варианта того же корня **mei-t-/*moi-t-* (слав. **mitusь*

²⁹ ЭССЯ. Т.19. С.233.

³⁰ Pokorny. Op. cit. S. 710-715.

³¹ Pokorny. Op. cit. S.710; ЭССЯ. Т.19. С.28.

³² Pokorny. Op. cit. S. 712 ff.; ЭССЯ. Т.19. С.26 и сл; С.31 и сл.; Т.21. С.90-94, ср. С. 95 о вост.-слав. мелькать < **мьк(ъ)lati*, блр. диал. помікуліць «прижмурить»; Фасмер. Указ. соч. Т.2. М.,1967. С.587 и сл., 614, 618 и сл.

«беспорядочное движение суета», *mitusiti se «метаться, дергаться, суетиться», *mítь, укр. мить «момент времени» и т. д., лат. mutare «изменять») мы находим слова со значением как «искаженности, лживости», так и «чередования», «взаимности, попеременности», «парности». Таковы, с одной стороны, др.-инд. míthu «изменчиво», «лживо», авест. miθo «ложно, искаженно» (ср. к семантике авест. drauga). А с другой - ст.-слав. МИТЕ «попеременно», чеш. mítvu то же, лат. mutuus «поочередный, взаимный», др.-инд. mithuná «чета», «близнецы», авест. miθwa «парный, спаренный».³³ Тут же можно вспомнить и вариант расширения *mei-g^w в греч. ἀμείβω «менять место», «обмениваться», «чередоваться», ἀμοιβός «сменяющий к.-л., следующий», ἀμοιβαῖος «взаимный, чередующийся».³⁴

В силу того, что хаотическое, неоднаправленное движение может конкретизироваться как движение попеременное, глагольные корни и основы с соответствующим значением способны развивать именно те смыслы, каковые несет и слав. *drugъ «другой, приходящий на смену», «другая сторона» (в сочетаниях типа русск. друг друга), «напарник, приятель, alter ego». Семантически это слово так же соотносится с основой глаголов *drugati, *drugžati, как др.-инд. mithuna, авест. miθwa, лат. mutuus с основой слав. *mitusiti se, словц. диал. mítvano «наперекосяк» и т.д. (к продолжению той же гомологии этимологических полей ср. соотношение слав. *drugъ в смысле «момент», др.-русс. в се друогъ и слав. *mítь, *migъ то же; далее др.- рус. в другъ «вместе», лит. draugè и др.-инд. mithàs «вместе», «взаимно». Итак, для слав. *drugъ восстанавливается этимологическая внутренняя форма «быстрое переменное движение» с развитием исторических значений «отрезок времени», «объект или явление, заступающие место другого объекта или явления, сменяющие их», «человек, действующий с кем-то на пару или попеременно». Я бы вспомнил здесь употребление слова «смена» от того же и.-е. *mei- в русском обороте «моя смена» в потенциальном значении либо «сотрудник, соратник, функционирующий одновременно со мной», либо «тот, кто заменит меня, заступит мое место». Таким образом, выкристаллизовывается сема «следования с кем-либо или за кем-либо», о чем пронизательно пишет Трубачев, - но выкристаллизовывается только на уровне вторичных дериватов от пражнажения.

³³ Pokorny. Op. cit. S.714 f.; ЭССЯ.Т.19. С.59 и сл.

³⁴ Pokorny. Op. cit. S. 713.

Я полагаю, что слав. *drugъ и лит. draũgas, лтш. draugs порождены от той же основы, что и разобранные европейские термины для «толпы», «компаний», «дружины», - но порождены от нее по иной модели, осуществляющей развитие от «дрожи, метания» - не к образу «массы, скопища», но, как только что сказано, к идее «парности, попеременности, обоюдности». Собственно, ни представление о «дружине» не предполагает понятия о «друге» как втором из двух, напарнике или alter ego (что нам и подтверждает словарь германцев и кельтов), ни «друг» в указанных смыслах не несет с собою идеи «дружины».

5

Итак, приходим к тому, что основы со значением 1. «иллюзии, призрака», «лжи», враждебного деяния», «колдовства»; 2. «второго из двух, иного», «напарника, приятеля»; 3. «массы людей, выступающей как целое», «сутолоки», «отряда, челяди, свиты» - отправляются как независимые смысловые дериваты от базисного значения основы *dreugh- «дрожать».³⁵ Однако бросается в глаза то, что между семантически обособившимися, оторвавшимися от протосмысла словопонятиями данного этимологического поля могут прорисовываться новые, актуально или потенциально мотивирующие их связи, в том числе и на межязыковом, исторически междиалектном уровне.

Если «быстрое и прерывистое движение» может семантически почковаться смыслами как «чередования», «парности», «заменяемости», так и «лжи», «морoka», - то сами по себе «ложь» и «инаковость» связываются между собою корреляциями, независимыми от психофизической подоплеки, скрытой в этимологическом протосмысле основы. То же относится к понятиям «другого» и «врага, вредителя»: ср. то, что говорилось выше о греч. ἕτεροι и т.д.

³⁵ Заманчиво предположить вариант той же основы с другим расширителем *dhreu-g'h- в лтш. drũze, drũzma «давка, толчая, толпа», может быть, и в лит. družėl «полоса» (напр. на ткани), drũžti «помрачиться», drũžnas «мутный, туманный» (о глазах). Похоже, что лтш. drũze и лит. družėl может объединять именно идея хаотического, соотв. попеременного движения, причем в латышском налицо такое же смысловое развитие, как в др.-англ. gedreag и др., брет. drog, drogn.

В славянском и балтийском - в отличие от кельто-германской ситуации - словопонятия для «друга» и «сообщества, компании» - вступают в нерасторжимую связь. Ее выражают такие соотношения, как лит. *draūgas, draugė, draugóve*, слав. *drugъ: *družь, *družа, *družina, а в глаголах вроде лит. *sudrūgti*, слав. *družiti (se) эти два значения синкретизируются до неразличимости. Но очевидно, что для славянского наименования свадебного дружки - *drugъ, *družька или *družьба - мотивированы идеей «друга-напарника», «представителя-заместителя» жениха. Между тем др.-англ. *dryht-ealdor, dryht-man* и т. д. характеризуют шафера как предводителя свадебного поезда-сонма. При различии актуальных мотивировок значение «шафер» может расцениваться как точка пересечения двух разных смысловых развитий праосновы; кстати, объединенных семьей «совместности действия». Этим вовсе не исключается возможная роль древних славяно-германских диалектных контактов в установлении корреляции между герм. *druhtiz «свадебный поезд» и славянскими терминами вроде *družь-ька.

Наконец, в мире ранних германцев смыслы «призрак, выходец из потустороннего мира» и «толпа, дружина» вновь породнились благодаря обычаю берсеркеров имитировать в боях образ загробного Вотанова (Одинова) воинства, проникнутого демоническими энергиями.³⁶ Похоже, др.-исл. поэтич. *draugr* «воин-герой» - это и впрямь метафора, но восходящая не к слову для «ствола», а к мотиву «воинственного призрака». В пользу такого истолкования говорит древнеисландский эпитет покровителя воинов Одина *drauga-drottinn* «Военачальник призраков»³⁷ продолжающий более древнюю форму **drauga-druhtinaz* - этимологическую фигуру, где родство семантически разошедшихся основ воскрешалось посредством их плотного параномасийного сцепления в композите-мифологеме. Не подобную ли этимологизирующую игру мы наблюдаем и при переключке названия фессалийских дружинников-мирмидонцев со словечками для нежитей и ночных призраков?

Возведение смыслов, отмеченных печатью уже развитой социальности и духовности, к этимологическим примитивам - занятие неблагодарное в глазах скептиков, иронически качающих головой над десятками слов, возводимых в индоевропейских этимологических словарях к корням, коим приписываются значения «торчать»,

³⁶ Бенвенист. Указ. соч. С.87.

³⁷ Baetke W. Wörterbuch zur altnordischen Prosaliteratur. Bd. 1. В. 1965. S.90.

«круглый», «звучать» или «блестеть». В тот же разряд спекуляций может при желании быть отнесено сближение «друга» и «дрожи». Однако обилие праязыковых омонимов в перечнях индоевропейских корней и основ ставит этимологов перед серьезной проблемой. Иногда она разрешима формально-реконструктивными приемами, вроде восстановления акцентных различий или апелляции к ностратике. В иных случаях, пытается заявить свои права семантическая реконструкция, которая может добиваться уменьшения числа «пра-омонимов» на двух путях: либо посредством воссоздания неких очень широких пракультурных комплексов, с многообразными космологическими и социальными проекциями, так что отдельные сегменты или осколки этих комплексов оказываются представлены в основах-омонимах (книга Дика один из примеров такой техники) - либо через выстраивание типологических рядов, благодаря которым устанавливается явная тенденция к соотносимости определенных значений, образующих сходные смысловые пучки вокруг основ с разным звучанием. Последний путь мне видится очень заманчивым и слабо разработанным. Похоже, такая типология могла бы существенно прояснить происхождение многих слов, чья этимология для нас пока что затемнена невозможностью спроецировать на праязыковой уровень какой-либо «прозрачный» аналог их словарных значений.

Р. S. Итак, я закончу статью шуткой одного моего коллеги, который по прочтении этой работы усмотрел замечательное соединение идей «дружбы» и «дрожи» в услышанном им как-то застольном призыве: «Ну, вздрогнули!».